

■ ■ ■ Типология фейков о спецоперации на Украине в цифровой публичной сфере¹

Зайцев А. В., Ахунзянова Ф.Т.

Костромской государственной университет, Кострома, Российская Федерация.

Аннотация. Статья является результатом анализа распространяемой в интернет-пространстве фейковой информации. Авторы анализируют политический дискурс в цифровой публичной сфере, выделяя в нем наличие значительное количества контента о специальной военной операции на территории Украины. Объектом исследования является характер дискурсивного взаимодействия агентов политической коммуникации в цифровой публичной сфере в процессе транслирования своих взглядов и мнений. В качестве источников для изучения заявленной темы исследования используются тексты, размещенные преимущественно в социальной сети «ВКонтакте». Важнейшим критерием для отбора материала, включенного в сферу проведенного исследования был его фейковый, то есть недостоверный, искаженный контент. В результате осуществлённого анализа авторы делают попытку классифицировать транслируемые в рамках данной тематики фейковые нарративы и подчеркнуть их особенности. Понимание перечисленных особенностей, с одной стороны, позволит более критично относиться к распространяемым в сфере публичного цифрового дискурса сведениям и диагностировать фейковую информацию как таковую, и, с другой стороны, при выявлении подобного контента облегчит его правовую оценку.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, цифровая публичная сфера, интернет-пространство, политический дискурс, фейковые нарративы, типология фейков, специальная военная операция, коммуникативные особенности фейков

Для цитирования: Зайцев А. В., Ахунзянова Ф. Т. Типология фейков о спецоперации на Украине в цифровой публичной сфере // Коммуникология. 2023. Том 11. № 4. С. 100-111. DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-4-100-111.

Сведения об авторах: Зайцев Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет. Адрес: 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17. E-mail: alexandr-kostroma@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4977-8828. Ахунзянова Фариды Тагировна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет. Адрес: 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17. E-mail: farida.ahunzyano@mail.ru. ORCID: 0000-0002-4610-5241.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2023. *Принята к печати:* 14.12.2023.

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FZEW-2023-007.

Введение. Цифровая публичная сфера в настоящее время является глобальной медийной супер-платформой для производства и распространения социально значимой, в том числе политической информации. Следует уточнить, что под цифровой публичной сферой авторы данной статьи, вслед за А.А. Косоруковым, понимают ту часть публичного дискурса, где «государственные, корпоративные и общественные акторы ведут полноценные дискуссии и обмениваются идеями, формируя повестку дня и предлагая те или иные варианты решения актуализированных проблем» [Косоруков: 20]. Подобную трактовку можно найти и в более ранних трудах, например, в работе А.Д. Кривоносова [Кривоносов: 70-71], и в современных изысканиях, в частности у нижегородских исследователей В.А. Кутырева и М.Ю. Казакова [Казаков, Кутырев], а также у А.А. Никитинской [Никитинская: 110-111] и др.

В современной цифровой публичной сфере существует много коммуникационных проблем, но сегодня особенно остро встает вопрос о достоверности транслируемого в ней контента и верификации фейковых новостей. Борьба с фейковой информацией предполагает знание такой методологии и умение отличать преднамеренную ложь от достоверных сообщений. Между тем, несмотря на обилие различных научных публикаций, освещающих различные формы и типы бытия фейков [см.: Ильченко; Макашова; Манойло; Ляшенко; Иванова; Дорофеева; Рассадина; Черевко; Кравцов; Смородова; Галютин; Стригунов и др.; Левченко], феномен фейкового сообщения до настоящего времени остается до конца не исследованным. Этот факт подчеркивает целый ряд исследователей. Так, по мнению А.В. Манойло, в научном плане фейковые новости и их влияние на формирование общественного мнения представляют собой малоизученное явление, требующее глубокого и фундаментального политико-философского осмысления [Манойло: 38]. Солидарна с ним и О.Н. Головацкая, которая, проанализировав многочисленные приводимые в публицистике, учебной и научной литературе примеры употребления и определения понятия «фейк», пришла к неутешительному выводу о том, «в понятийном аппарате, описывающем данный феномен, все еще много противоречий» [Головацкая: 148]. «Нормативная правовая база, регулирующая распространение фейков, на сегодняшний день в России отсутствует, – констатирует Е.В. Симонова, – нет ни одного документа, содержащего трактовку данного определения, что является несомненным пробелом в законодательстве страны» [Симонова: 66]. На отсутствие четкости в понимании и интерпретации фейка указывается в коллективной монографии «Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность» [Золян и др.: 8-9].

Между тем очевидно, что проводимая с февраля 2022 года силами вооруженных сил Российской Федерации специальная военная операция на Украине (СВО) вызвала еще больший поток фейковой информации и обострила необходимость более предметного исследования данного феномена. Поэтому авторы считают необходимым тщательно проанализировать актуальные фейковые сюжеты об

СВО, взяв для начала ракурс регионального интернет-пространства, представить типологию этих сюжетов и выявить их отличительные черты.

Под фейковой информацией об СВО авторами подразумевается умышленно сконструированный, недостоверный относительно объективного положения дел контент, размещаемый в сфере цифрового публичного дискурса, направленный на дискредитацию, умаление значения действий российских военнослужащих, а также на формирование негативного отношения к ним и осуществляемой ими миссии на Украине. Главная цель такой информации состоит в вызове искусственного ажиотажа «вокруг мнимого информационного повода, создаваемого вбросом заведомо провокационной информации, имеющей резонансный характер» [Еремина, Куликова: 242].

Следует отметить, что среди общего массива исследований в сфере фейкового дискурса выделяется пусть пока не очень значительная, но уже отчетливо различимая тенденция изучения роли фейковой проблематики в освещении событий на юго-востоке Украины и проведении там российскими Вооруженными силами СВО [см.: Володченко; Гусев; Савушкина; Свечников; Вестов, Белоусов; Клементьев; Величко; Добронравов]. Дело в том, что начало специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 года в сфере публичного цифрового дискурса вызвало настоящий поток все новых и новых фейков, а их количество, вплоть до настоящего времени, растет в геометрической прогрессии. Сообщается, что по состоянию на 1 марта 2022 года «1 310 000 публикаций, содержащих заведомо ложные сведения (фейки) относительно ситуации на Украине и в Донбассе, распространено в средствах массовой информации, в том числе сети Интернет» [Еремина, Куликова: 243, 244].

Данное обстоятельство является более чем убедительным основанием для подтверждения актуальности и значимости заявленной темы исследования, сфокусированной на исследовании типологии фейков о специальной военной операции на микроуровне региональной цифровой публичной сферы. Большинство из авторов, обращающихся к эмпирическому или теоретическому осмыслению фейков, связанных с последними событиями на Украине, акцентируют, как правило, свое внимание на макроуровне, оставляя вне контекста своих исследований региональный уровень. Отсюда главная цель данного исследования: ликвидировать объективно существующую лауну и пополнить научный дискурс новыми, еще не введенными в оборот знаниями, фактами и выводами.

Материалы и методы. В публикуемой работе авторы используют общенаучные и частные эмпирические методы: системный подход, контент-анализ, дискурсивный анализ, сравнительный метод, дескриптивный анализ, метод аналогий, метод кейсов. В качестве источников для изучения заявленной темы исследования взята социальная сеть «ВКонтакте», являющаяся наиболее популярной публичной интернет-площадкой, где среди прочего обсуждаются и дискутируются события на Украине.

Результаты исследования. Объектом исследования является цифровая публичная сфера и фейковый характер дискурсивного взаимодействия локальных агентов политической коммуникации в процессе позиционирования своих позиций по поводу СВО на территории Украины. Социальная специфика этих агентов определяется завышенными амбициями и задиристостью, что зачастую объясняется отсутствием той или иной самореализации в действительности: неустраивающее место жительства, неудовлетворительное материальное положение, психологические комплексы и т.д. Это провоцирует людей, особенно молодежь, агрессивно высказываться в цифровом публичном пространстве региона о присутствующих вокруг нее реалиях, обвиняя в плохом или якобы плохом качестве своей жизни, в отсутствии или якобы отсутствии благосостояния всевозможные, как правило, политические, структуры. Подобные настроения становятся благодатной почвой для восприятия тех фейковых нарративов, которые соответствуют негативным ожиданиям пользователей и вместе с тем усиливают их. И, конечно, наиболее актуальным инфоповодом для фейковых нарративов становится проведение СВО на Украине, равно как и все, что с этим связано.

Сама операция и ее цели с самого начала стали медиасобытием, которое, по логике жанра, представляет собой не зеркальное отражение действительности, а множество медиавариантов реальности, находящихся в конкурентной борьбе друг с другом. Но в отношении СВО все эти варианты можно свести к двум политически амбивалентным позициям: «за» и «против». Те пользователи, которым прямые участники СВО являются родственником, другом или коллегой, оказывают этим действиям на очень высоком уровне и моральную, и материальную поддержку, а в плане информации стараются придерживаться официальной государственной позиции. В то же время лагерь противников не оставляет своих усилий и активно пользуется неподтвержденной, сомнительной информацией, среди которой большую часть составляют фейки.

На основании анализа распространяемой в интернет-пространстве фейковой информации можно уверенно утверждать, что в большинстве своем фейковые сюжеты незамысловаты и сводятся к нескольким линиям: (1) «вероломное военное нападение» России на Украину («вторжение» и «обстрелы»); (2) «аморальные и незаконные действия» ВС РФ в отношении мирных жителей Украины; (3) якобы грядущая повторная мобилизация среди российского населения.

С точки зрения коммуникативных особенностей, все эти сюжеты имеют ряд типичных признаков, в том числе: одинаковый набор ключевых слов, навешивание ярлыков, использование тактик нагнетания смыслов и гиперболизации, подмены понятий (например, не «специальная военная операция», а «война», «вторжение», «оккупация»). Истинная аргументация фактически отсутствует, зато активно используются псевдоаргументы: цифровые примеры (особенно точные числа и процентные показатели), якобы статистические данные, инфографика, иллюстративный ряд, медийные включения (репортажи, свидетельства «очевидцев», аудиозаписи). Если есть ссылки на источники, то, как правило, это ссылки на

каталог украинских Telegram-каналов, например, публичный Telegram-канал «Украина Сейчас: новости, война, Россия». Особенностью таких каналов является новостной характер сообщаемой информации, анонимность ее источников и, как правило, невозможность объективной проверки на достоверность.

На лексическом уровне активно используются неологизмы и этнофолизмы. В частности, слово «рашизм» – это неологизм, еще с 2014 года используемый для демонизации России. Термин образован при помощи слияния двух слов – Russia (Россия по-английски) и фашизм. Пропагандистская задача термина – подчеркнуть сходство идеологии и действий России с фашизмом. В последнее время этот неологизм в виде «ruscism» максимально активно начинает использоваться даже в декларативных документах международных политических организаций коллективного Запада.

Также часто употребляется этнофолизм «орки» (например, «*деградирующие орки, пришедшие с оружием*»¹). Считается, что этнофолизм возник на основе названия вымышленных человекоподобных монстров из фантастического романа Джона Рональда Руэла Толкина «Властелин колец», хотя впервые эти персонажи упоминаются на рубеже VII–VIII вв. в эпической поэме времен Древней Англии «Беовульф». Толкин использовал эти образы для создания полярного мира: силы света – эльфы и силы тьмы – орки, а Голливуд в соответствующей кинотрилогии 2001–2003 гг. придал последним специфическую визуализацию, которая и стала использоваться в антироссийской пропаганде с целью расчеловечить русских и тем самым лишить украинцев моральных факторов сдерживания. И украинцы, а вместе с ними и оппозиционно настроенные медиапользователи с готовностью подхватили предоставленный термин, обязательно сопровождая нецензурной бранью, дополнительными негативными эпитетами (как в примере выше), перечислением аморальных и незаконных действий российских военных.

Также обращает на себя внимание специфическая манера прописывания слов, относящихся к России, например, *рашковане* – производное от «рашка», издевательское наименование населения России; *роззиянцы*, *роззиянская* – демонстративно уменьшенная первая буква (используется шрифт меньше строчной буквы) указывает на желание высказать максимальное презрение ко всему российскому, буквы «с» заменены латинскими «z», отсылающими к событиям на Украине – так подчеркивается, что презрение вызвано именно этими событиями.

Если рассматривать более подробно первый нарратив, который касается начала специальной военной операции на Украине и представляется как «вероломное военное нападение» России на Украину, то можно отметить следующие его специфические черты. Военные действия вооруженных сил России классифицируются как «вторжение» и «обстрелы». Для достижения максимального воздействующего эффекта используется тактика гиперболизации, которая реализует-

¹ Здесь и далее приводятся тексты, размещенные на персональных страницах пользователей социальной сети «ВКонтакте» и находящиеся в открытом доступе, с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

ся через перечисление многочисленных городов, якобы попавших под российские обстрелы (например, «...Винница, Кременчуг, Часов Яр, Мариуполь, Одесса, Сергеевка, Белогорка в Луганской области, Краматорск, Харьков и его районы, Чернигов, Николаев...»), указание дат обстрелов и количества погибших и раненых, в том числе детей. Как правило, такие тексты перегружены цифрами. В рамках жанра новостной заметки это недопустимо, и в обычном случае подлежало бы редакторской правке, однако здесь такая перегруженность используется целенаправленно: она не просто создает эффект точности, достоверности, убедительности, но и нагнетает негативные смыслы, усиливая трагичность сообщаемого. С этой же целью подчеркивается, что ракеты летят не просто в города, но в социальные объекты – школы, больницы, дома мирных жителей. Для максимальной убедительности информация часто дополнена иллюстративным материалом, например, в виде карты, на которой нанесены условные обозначения описываемых ракетных обстрелов, либо в виде нарративных фотографий, концептуальный замысел которых в том, чтобы максимально эмоционально показать трагизм случившегося – обрушившийся дом, работа спасателей, жертвы. Такие снимки имеют легко прочитываемый постановочный характер, достаточно обратить внимание на техническое исполнение (свет, профессионально выхваченные ракурсы, композиция, подбор и расстановка персонажей), неестественность и даже неконгруэнтность мимики изображенных лиц и т.д.

Попутно дается правовая оценка – в фейковых сообщениях действия России на Украине квалифицируются как террористические акты. Согласно словарю, «террористический акт – это преступление против основ конституционного строя и безопасности государства, предусмотренное статьей 277 УК РФ. Представляет собой посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное с целью прекратить его деятельность либо из мести за такую деятельность. Следует отличать от терроризма как преступления против общественной безопасности»¹. В то же время обстоятельство «постоянно» переводит семантический признак конкретности, временной локализованности действия в признак постоянно-непрерывного действия. Тем самым подспудно внедряется идея о том, что происходящее на Украине – это ничто иное, как непрерывные военные преступления России.

Второй фейковый нарратив представляет действия Вооруженных сил России как «аморальные и незаконные» в отношении мирных жителей Украины. Подобные фейки, по сути, конкретизируют тематику первого нарратива, детализируя ее через приписывание российским военным преступлений и негативно оцениваемых поступков. В частности, очень распространены сюжеты, согласно которым российские военные массово похищают и вывозят в Россию украинских де-

¹ Террористический акт // Большой юридический словарь / ред. А.А. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева [эл. ресурс]: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-210-2.htm#zag-6471> (дата обращения: 05.11.2023).

тей. При этом, как правило, называются никак не подтвержденные цифры (например, «300 тысяч украинских детей были похищены и вывезены в Россию за время войны»), фактологичность информации достигается за счет использования утвердительных повествовательных предложений, глаголов изъявительного наклонения несовершенного вида (данная форма подчеркивает актуальность и незавершенность описываемых этими глаголами действий [Маслов: 51]).

В такой же форме в большинстве фейков российским военным приписываются грабежи, мародерство, изнасилования и убийства мирных жителей. И здесь следует подчеркнуть, что если в фейках, распространившихся на первых этапах проведения СВО, подобные сюжеты изобиловали цифрами, показаниями якобы свидетелей, красочными подробностями, то теперь якобы преступные действия упоминаются контекстно или через аллюзии, т.е. как упоминания о том, о чем давно уже всем известно и очевидно. На наш взгляд, данный нарратив подтверждает общеизвестное высказывание, приписываемое Й. Геббельсу: чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят.

Что касается третьего нарратива – мобилизация среди российского населения, то он представляет собой нагнетание страха перед якобы грядущей либо второй волной частичной мобилизации, либо всеобщей мобилизацией. В ход идут фотографии документов (приказов, указов, распоряжений) неизвестного происхождения, цитирование выдернутых из контекста высказываний российских политиков и руководителей ведомств, сообщения анонимных источников. Например, в записи одного из пользователей социальной сети «ВКонтакте» со ссылкой на анонимные источники утверждалось о том, что сотрудники московской управляющей организации «Жилищник» готовятся разносить повестки и что они предупреждены руководством о том, что в январе-феврале такой работы будет много. При этом не сообщалось, на основании чего этим будут заниматься сотрудники управляющей организации и какого рода будут эти повестки.

Расчет создателей таких фейков опирается на то, что мало кто критически отнесется к данной информации и вспомнит или уточнит, что помимо повесток для отправки на место военных действий в рамках мобилизации, существуют еще повестки для уточнения персональных данных; для прохождения медкомиссии; для прохождения призывной комиссии; для отправки на срочную службу. Коммуникативной задачей подобных записей является нагнетание слухов о предстоящей мобилизации, что противоречит официально сообщаемой информации. Проведенное авторами наблюдение (Костромская область) также показывает что распространение такого рода фейков может быть спровоцировано по сути молчаливой позицией представителей местной власти, а потому ощущением полной неопределенности среди населения региона.

Выводы. Распространяемые в интернет-пространстве фейковые сюжеты о специальной военной операции на Украине транслируются в основном через социальные сети в виде комментариев и публикаций обычных медиапользова-

телей. Данные нарративы имеют конкретную тематику, соответственно которой сопровождаются набором специфичных признаков, отражающихся на коммуникативном, лексическом, графическом и визуальном уровнях.

Понимание перечисленных особенностей, с одной стороны, позволит более критично относиться к распространяемым в сфере публичного цифрового дискурса сведениям, касающимся СВО, с тем, чтобы отличать фейковую информацию от настоящей, а с другой стороны, при выявлении подобного контента облегчит его правовую квалификацию. Представляется, что последнее обстоятельство способно значительно расширить социальную базу поддержки целей специальной военной операции на Украине, повысить уровень легитимности принимаемых решений по фейковой информации, распространяемой в цифровой публичной сфере как части инфо-коммуникативного пространства современной России.

Источники

Величко В.В. (2023). Реализация российскими СМК концепции информационной войны (на примере СВО РФ на Украине) // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Т. 2. № 15-1. С. 51-54. EDN: LHQBUEY.

Вестов Ф.А., Белоусов Р.Д. (2023). Противодействие распространению ложной информации о действиях ВС РФ в сети «Интернет» // Базис. № 1 (13). С. 5-9. EDN: CPOQRX.

Володченко О.Н. (2022). От фейков до управления информационными потоками: медиатехнологии при освещении специальной военной операции на Украине // Инновация. Медиакommunikация. Медиакультура. Информация. Дизайн. Коллективная монография / под общей редакцией А.М. Тимохина. Симферополь. С. 137-146. EDN: DKWWWO.

Галютин А.В. (2018). Фейк как инструмент современной информационной войны // Коммуникационная политика компаний: средства технологии, управление. С. 47-57. EDN: AELGUR.

Головацкая О.Е. (2019). Значение и происхождение термина «Fake news» // Коммуникология. Т. 7. № 2. С. 139-152. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-2-139-152. EDN: JEUZPL.

Гусев С.А. (2023). Дезинформация в социальных сетях о ходе проведения специальной военной операции на Украине // Человек и общество в современном киберпространстве. Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. М.: ФГБОУ ВО «Государственный университет управления». С. 64-67. EDN: NHTCFI.

Добронравов У.В. (2022). Российский военнослужащий в интернете: и один в поле воин // Трансформация современной войны: материалы II Всероссийской научной конференции. Омск. С. 57-62. EDN: OCADRK.

Дорофеева В.В. (2019). Фейковые новости в современном медиапространстве // Вопросы теории и практики журналистики. Т. 8. № 4. С. 774-786. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(4). 774-786. EDN: BULYHV.

Еремина О.А. (2022). Фейки как угроза информационной безопасности (на примере деятельности Вооруженных Сил России) // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра. Сборник научных статей III научно-практической конференции / отв. ред. Н. Н. Розанова. Смоленск. С. 242-249. EDN: BDMHJS.

Золян С.Т., Пробст Н.А., Сладкевич Ж.Р., Тульчинский Г.Л. (2021). Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность / под ред. Г. Л. Тульчинского. СПб.: Алетейя.

Иванова С.В. (2020). Фейковые новости в новом информационном пространстве России // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сборник трудов международной научно-практической конференции, Белгород, 08-09

октября 2020 года. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет. С. 119-124. EDN: GPRLBG.

Ильченко С.Н. (2015). Фейк как политический формат в современной медиасфере // Гуманитарный вектор. Серия «История. Политология». № 3 (43). С. 98-101. EDN: UJDYUD.

Казаков М.Ю., Кутырев В.А. (2013). Интернет как сетевая публичная сфера // Современные проблемы науки и образования. № 3 [эл. журнал]: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9328> (дата обращения: 05.11.2023). EDN: RPOPPN.

Клементьев Ю.А. (2023). Фейковые новости в период проведения специальной военной операции России по защите ДНР и ЛНР // Мониторинг. Образование. Безопасность. Т. 1. № 1. С. 31-34. EDN: HERZUF.

Косоруков А.А. (2018). Цифровая публичная сфера современного общества: особенности становления и контроля // Социодинамика. № 2. С. 14-22. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.2.24442. EDN: YPUBEW.

Кравцов В.В. (2019). «Фейковые» новости как информационная угроза современной политической действительности // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сборник материалов Международного научного форума. В 2-х т. / отв. ред. В.В. Васильева. С. 66-68. EDN: DKETQY

Кривоносов А.Д. (2016). Публичная среда и публичные коммуникации в эпоху интернета // Верхневолжский филологический вестник. № 1. С. 68-74. EDN: WEZDRX.

Левченко К.А. (2021). Фейк-нюс как политическое орудие XXI века // EUROPEAN RESEARCH: сборник статей XXXIV Международной научно-практической конференции. Пенза. С. 241-244. EDN: DSQGKK

Ляшенко Д.И. (2018). К вопросу о классификации фейков // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы VIII-й Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В. Ю. Меликян. Вып. 8. Ростов н/Д: Дониздат, С. 136-141. EDN: TBHOEM.

Макашова В.В. (2023). Фейк-технологии в цифровой среде // Медиа-технологии в условиях изменяющегося мира: тренды, проблемы, прогнозы: сборник трудов / ред. Е.Н. Ежова. Ставрополь. С. 25-29. EDN: ORKRIX.

Манойло А.В. (2019). «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник московского университета. Серия 12: Политические науки. № 2. С. 37-45. EDN: HGEVPF.

Манойло А.В. (2020). Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // Вестник московского государственного областного университета. № 3 [эл. журнал]: <http://ruspolitology.ru/content/10391/?ysclid=Im5yo60qhs883645633> (дата обращения: 05.11.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2020-3-1027.

Маслов Ю.С. (1984). Очерки по аспектологии. Ленинград: Изд-во ЛГУ.

Никитинская А.А. (2022). Интернет как современная площадка для реализации публичного // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. Т. 10. № 1. С. 107-115. DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-1-12. EDN: WOSDPN.

Рассади́на А.А. (2019). Фейковые новости и информационные фильтры как инструменты формирования общественного мнения в современном медиaprостранстве // Трансформация медиасреды в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 24 апреля 2019 года / Отв. ред. Д.В. Неренц. М.: Российский государственный гуманитарный университет. С. 401-411. EDN: KSFFYO.

Савушкина М.А. (2023). Формирование у военнослужащих навыков верификации фейков посредством мероприятий военно-политической работы // Военно-политическая работа в Вооруженных силах Российской Федерации: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. П.Е. Кобзаря. Омск. С. 143-149. EDN: DYBHAT.

Свечников С.С. (2022). Фейки как инструмент информационно-психологического воздействия в пропаганде (на примере конфликта России и Украины) // Студенческая наука и XXI век. Т. 19. № 1-2 (22). С. 265-266. EDN: HPFNET.

Симонова Е.В. (2022). Фейк как вызов цифрового медиапространства // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. № 15. С. 65-69. DOI: 10.36683/2500-249X/2022-15/65-69. EDN: ZGQUOI.

Смородова Э.В. (2021). К вопросу о противодействии фейковым новостям в цифровом пространстве // Меди@льманах. № 6 (107). С. 42–52. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2021.4252. EDN: QVKKCR.

Стригунов К.С., Манойло А.В., Го Ф. (2022). Фейковые новости и технологии превентивной делегитимизации выборов // Гражданин. Выборы. Власть. № 2 (24). С. 98-109. EDN: VZGJPL.

Черевко Т.С. (2019). Феномен fake-news в контексте информационной безопасности // Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия. Материалы международной научно-практической конференции. С. 78-79. EDN: JQVEQB.

■ ■ ■ Typology of fakes about the special operation in Ukraine in the digital public sphere¹

Zaitsev A.V., Akhunzianova F.T.

Kostroma State University, Kostroma, Russia.

Abstract. The article represents the analysis of fake information distributed in the digital public sphere, namely, of a very significant amount of digital content about the special military operation on the territory of Ukraine. The object of the study is the nature of the discursive interaction of agents of political communication in the digital public sphere in the process of broadcasting their views and opinions. The analysis is based on the messages posted primarily on the social network VKontakte. The most important criterion for selecting material included in the scope of the study was its fake, that is, unreliable, distorted content. As a result of the analysis, the authors make an attempt to classify the fake narratives within this topic and highlight their features. The understanding such features of fake narratives, on the one hand, should allow critical perception of the information disseminated in the sphere of public digital discourse and diagnose fake information as such, and, on the other hand, facilitate the legal assessment of fakes.

Keywords: digital communication, digital public sphere, Internet space, political discourse, fake narratives, typology of fakes, special military operation, communicative features of fakes

For citation: Zaitsev A.V., Akhunzianova F.T. (2023). Typology of fakes about the special operation in Ukraine in the digital public sphere. *Communicology (Russia)*. Vol. 11. No. 4. P. 100-111. DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-4-100-111.

Inf. about the authors: Zaitsev Alexander Vladimirovich – DSc (Polit.), Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State

¹ The publication was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. FZEW-2023-007.

University. Address: 156005, Russia, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17. E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4977-8828. Akhunzyanova Farida Tagirovna – CandSc (Cult.), associate professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University. Address: 156005, Russia, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17. E-mail: farida.ahunzyano@mail.ru. ORCID: 0000-0002-4610-5241.

Received: 09.11.2023. Accepted: 14.12.2023.

References

- Cherevko T.S. (2019). The fake-news phenomenon in the context of information security. In: Journalism in 2018: creativity, profession, industry. Materials of the international scientific and practical conference. P. 78-79. EDN: JQVEQB (in Rus.).
- Dobronravov U.V. (2022). Russian serviceman on the Internet: and one warrior in the field. In: Transformation of modern war: materials of the II All-Russian scientific conference. Omsk. P. 57-62. EDN: OCADRK (in Rus.).
- Dorofeeva V.V. (2019). Fake news in the modern media space. *Questions of theory and practice of journalism*. Vol. 8. No. 4. P. 774-786. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(4).774-786. EDN: BULYHV (in Rus.).
- Eremina O.A. (2022). Fakes as a threat to information security (using the example of the activities of the Russian Armed Forces). In: Multinational Russia: yesterday, today, tomorrow. Collection of scientific articles of the III scientific-practical conference / ed. N. N. Rozanova. Smolensk. P. 242-249. EDN: BDMHJS (in Rus.).
- Galyutin A.V. (2018). Fake as a tool of modern information warfare. *Communication policy of companies: means of technology, management*. P. 47-57. EDN: AELGUR (in Rus.).
- Golovatskaya O.E. (2019). Meaning and origin of the term "Fake news". *Communicology*. Vol. 7. No. 2. P. 139-152. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-2-139-152. EDN: JEUZPL (in Rus.).
- Gusev S.A. (2023). Disinformation in social networks about the progress of a special military operation in Ukraine. In: Man and society in modern cyberspace. Collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference. M.: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "State University of Management". P. 64-67. EDN: NHTCFI (in Rus.).
- Ilichenko S.N. (2015). Fake as a political format in the modern media sphere. *Humanitarian Vector. History. Political science*. No. 3 (43). P. 98-101. EDN: UJDYUD (in Rus.).
- Ivanova S.V. (2020). Fake news in the new information space of Russia. In: Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education: collection of proceedings of the international scientific and practical conference, Belgorod, October 08–09, 2020. Belgorod: Belgorod State National Research University. P. 119-124. EDN: GPRLBG (in Rus.).
- Kazakov M.Yu., Kutuyev V.A. (2013). Internet as a networked public sphere. *Modern problems of science and education*. No. 3 [el. journal]: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9328> (accessed 05.11.2023). EDN: RPOPPN (in Rus.).
- Klementyev Yu.A. (2023). Fake news during the Russian special military operation to protect the DPR and LPR. *Monitoring. Education. Safety*. Vol. 1. No. 1. P. 31-34. EDN: HERZUF (in Rus.).
- Kosorukov A.A. (2018). Digital public sphere of modern society: features of formation and control. *Sociodynamics*. No. 2. P. 14-22. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.2.24442. EDN: YPUBEW (in Rus.).
- Kravtsov V.V. (2019). "Fake" news as an information threat to modern political reality. In: Media in the modern world. 58th St. Petersburg Readings: collection of materials from the International Scientific Forum, ed. V.V. Vasilyeva. P. 66-68. EDN: DKETQY (in Rus.).
- Krivososov A.D. (2016). Public environment and public communications in the Internet era. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*. No. 1. P. 68-74. EDN: WEZDRX (in Rus.).

Levchenko K.A. (2021). Fake news as a political weapon of the 21st century. In: EUROPEAN RESEARCH: collection of articles of the 34th International Scientific and Practical Conference. Penza. P. 241-244. EDN: DSQGKK (in Rus.).

Lyashenko D.I. (2018). On the issue of classification of fakes. In: Language and law: current problems of interaction. Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference, ed. V.Yu. Melikyan. Vol. 8. Rostov n/d: Donizdat. P. 136-141. EDN: TBHOEM.

Makashova V.V. (2023). Fake technologies in the digital environment. In: Media technologies in a changing world: trends, problems, forecasts: collection of works, ed. E.N. Yezhova. Stavropol. P. 25-29. EDN: ORKRIX (in Rus.).

Manoilo A.V. (2019). "Fake news" as a threat to national security and a tool of information management. *Bulletin of Moscow University. Political Science*. No. 2. P. 37-45. EDN: HGEVPF (in Rus.).

Manoilo A.V. (2020). Chain reactions of a cascade type in modern technologies for the viral spread of "fake news". *Bulletin of the Moscow State Regional University*. No. 3 [el. journal]: <http://ruspolitology.ru/content/10391/?ysclid=lm5yo60qhs883645633> (accessed 05.11.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2020-3-1027 (in Rus.).

Maslov Yu.S. (1984). Essays on aspectology. Leningrad: Leningrad State University Publishing House (in Rus.).

Nikitinskaya A.A. (2022). Internet as a modern platform for the implementation of the public. *Science. Society. State: electronic scientific journal*. Vol. 10. No. 1. P. 107-115. DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-1-12. EDN: WOSDPN (in Rus.).

Rassadina A.A. (2019). Fake news and information filters as tools for forming public opinion in the modern media space. In: Transformation of the media environment in the 21st century: Proceedings of the international scientific and practical conference, Moscow, April 24, 2019, ed. D.V. Nerents. M.: Russian State Humanitarian University. P. 401-411. EDN: KSFFYO (in Rus.).

Savushkina M.A. (2023). Formation of skills in military personnel to verify fakes through military-political work. In: Military-political work in the Armed Forces of the Russian Federation: history and modernity. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, ed. P.E. Kobzar. Omsk. P. 143-149. EDN: DYBHAT (in Rus.).

Simonova E.V. (2022). Fake as a challenge of the digital media space. *Education and science without borders: fundamental and applied research*. No. 15. P. 65-69. DOI: 10.36683/2500-249X/2022-15/65-69. EDN: ZGQUOI (in Rus.).

Smorodova E.V. (2021). On the issue of countering fake news in the digital space. *Medi@Imanakh*. No. 6 (107). P. 42-52. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2021.4252. EDN: QVKKCR (in Rus.).

Strigunov K.S., Manoilo A.V., Guo F. (2022). Fake news and technologies for preventive delegitimization of elections. *Citizen. Elections. Power*. No. 2 (24). P. 98-109. EDN: VZGJPL (in Rus.).

Svechnikov S.S. (2022). Fakes as a tool of information and psychological influence in propaganda (using the example of the conflict between Russia and Ukraine). *Student science and the 21st century*. Vol. 19. No. 1-2 (22). P. 265-266. EDN: HPFNET (in Rus.).

Velichko V.V. (2023). Implementation of the concept of information warfare by Russian QMS (using the example of the Northern Military District of the Russian Federation in Ukraine). *Bulletin of the student scientific society of the State Educational Institution of Higher Professional Education "Donetsk National University"*. Vol. 2. No. 15-1. P. 51-54. EDN: LHQBey (in Rus.).

Vestov F.A., Belousov R.D. (2023). Countering the spread of false information about the actions of the RF Armed Forces on the Internet. *Basis*. No. 1 (13). P. 5-9. EDN: CPOQRX (in Rus.).

Volodchenko O.N. (2022). From fakes to managing information flows: media technologies in covering a special military operation in Ukraine. In: Innovation. Media communication. Media culture. Information. Design. Collective monograph, ed. A.M. Timokhin. Simferopol. P. 137-146. EDN: DKWWWO (in Rus.).

Zolyan S.T., Probst N.A., Sladkevich Zh.R., Tulchinsky G.L. (2021). Fakes: communication, meaning, responsibility, ed. G. L. Tulchinsky. SPb.: Aletheia (in Rus.).